

МОНА И СЛЕПОЙ КОРОЛЬ

1.

Ночь опустилась стремительным махаоном...

Что?! Каким махаоном? А, стремительным. Нет, однозначно нет.

Ночь, ночь, она была черней черной пантеры... черней червей... черней чертей...

Нет, это бред.

Ночь нежна...

Нет, это Фицджеральд. Всё дрянь, никуда не годится... Может, тупо – «наступила ночь»? Или это чересчур банально?

Самым тоскливым, что он когда-либо слышал, был скрип ржавой карусели, доносившийся из парка, в те далекие времена, когда Стас, будучи тихим странным ребенком, почти ежедневно висел на заборе в ожидании возвращения бабушки с работы. Над поселком, в котором давно остановилась жизнь, разносился тот невыносимый стон, возникавший от трения цепей о металлическую перекладину: кхрэйн-кхрээииинь, раз за разом, короткий в одну сторону и более протяжный в другую, старательно подпевая гудению раскачиваемых ветром тополей (видимо, никому из работников парка советских развлечений не приходило в голову прислушаться к жалобам железного монстра и смазать его конечности). С тех пор многое изменилось, из тихого странного мальчика он превратился в тихого странного юношу, и тем не менее всякий раз, даже на чужбине, когда случалось уловить похожий звук в потоке повседневного шума, Стасу мгновенно становилось не по себе, словно из прошлого приходила открытка с напоминанием, что ничего особенного от этой жизни ожидать вовсе не следует.

Кхрэйн – кхрээииинь. С той же настойчивостью доносился этот звук из-за каждой строчки его графоманских опытов: тексты его увязли в никому не интересных воспоминаниях детства, мучительных метафорах и являлись заодно попыткой разобраться в отношениях, закончившихся еще год назад, – больше писать ему было не о чем, отчего выходил сплошной буквенный скрежет под драпировкой загадочной русской тоски. Днем тяжело подбирались эпитеты для описания ночи, по ночам тускнели даже самые яркие образы, а вследствие уже комфортного одиночества влюбленные на страницах его романа изъяснялись туманно, выпренно и нередко попросту глумились друг над другом (хотя, возможно, в этом как раз и заключались самые светлые моменты его творчества – в самоутверждении за счет собственных персонажей). И как истинный прокрастинатор Стас многое откладывал на потом, на последнюю секунду, в том числе и сочинение кульминации с развязкой и, стало быть, объяснение себе и будущему читателю всей той вязкой и весьма запутанной драмы, которую писал с таким трудом. А ведь в финале хотелось удивить и удивиться, оттого-то он и страдал в тот знаменательный день, скорчившись за прилавком кельнского кафе и в отчаянии листая толстую тетрадь, испещренную мелким почерком вдоль и поперек.

Кхрэйн – кхрээииинь.

Был полдень вторника, единственного буднего дня, когда Стас, ввиду отсутствия лекций в университете, мог выйти на подработку официантом не только вечером. Кафе «À bout de souffle» находилось хоть и в южной части города на левом берегу, но отнюдь

не в самых оживленных кварталах, а как-то за углом, в глубине, и особой популярностью не пользовалось ни у хипстеров, ни у бизнесменов, ни у пожилых парочек – отчасти потому что эклектичным своим интерьером старалось угодить одновременно каждой целевой аудитории, отчасти потому что мало кто мог выговорить название правильно (да и суфле, вопреки надеждам отдельных полиглотов, здесь не подавали). Выживало заведение неизвестно за счет чего, постоянных посетителей тут отродясь не было, а случайно заглянувшие обычно сперва озадаченно озирались, пытаясь определить по обстановке, чем именно грозил им заказ обыкновенного кофе с пирогом, – после чего застывали, сраженные величием портрета черно-белого, самую малость перекошенного Бельмондо кисти Урсулы Лутц, хозяйки кафе. Многие, после столь внезапного столкновения с искусством, спешно ретировались, так и не решившись сделать заказ, – и разве можно было их в этом винить? Всё это, впрочем, было лишь на руку Стасу: пускай много он как официант и не зарабатывал, зато в это время суток в кафе обычно царили тишина и покой, благодаря чему будущая звезда литературного пантеона была полностью предоставлена самой себе.

Так что в тот пасмурный вторник тощий студент двадцати лет отроду, вместо того, чтобы готовиться к очередным экзаменам, почти до кости сгрызал упрямую заусеницу на пальце, придумывая непредсказуемый поворот сюжета. Писал он по-прежнему по-русски, хоть и советовали ему приятели-однокурсники как можно скорее перейти на немецкий и создать преисполненный юмора роман о судьбе иностранцев в Германии; писал по старинке, от руки, ссылаясь на опыт классиков, и при этом самым сложным манером: герои его от двери до двери по прямой спокойно пройти не могли, не выделывая коленца, не споткнувшись о наречие, не поперхнувшись избыточными прилагательными и не ударившись напоследок лицом в многоточие. Мысль кружилась на одном месте как тот махаон, бьющийся в истерике о стенки стеклянной ловушки, и крайне непросто было остановиться на одном варианте финала, желательно мощном и проникновенном, таком, чтоб душу перевернул и заставил перечитать весь роман заново: например, главный герой мог бы найти тех двоих, войти ночью в тот дом, в их спальню, посмотреть им в глаза и вдруг заплакать – да, отлично, гениально! – или пусть заплачут те двое, или пусть заплачут все втроем, в обнимку, на плечах друг у друга, хотя нет, пускай плачет он один, – размазывая слезы кулачонками по щекам, пусть бухнется на колени, и, терзаемый близостью к разгадке тайны, взирает бы он тогда на них снизу вверх, а они, естественно, молчали бы в снисходительном выжидании – тут необходимы зловещие подробности для пушного драматического эффекта, скажем, гроза, молнии, свечи и всё такое, а герой, что ж, он должен решиться, в конце концов, он должен задать тот самый вопрос, мучавший его, автора, читателя, всех нас, спросить их, попросить...

– Двойной эспresso.

«А собственно, почему бы и нет? – рассуждал Стас, в глубокой отрешенности разглядывая девушку. – Он вполне бы мог попросить их о двойном...»

И в следующее мгновение – ох! – в ужасе выпрыгнул из омута своего воображения, больно налетев животом на прилавок, кинул тетрадь в угол, задел чашку с задребезжавшими приборами, растянул лицо в извиняющейся улыбке, задушил тремя пальцами ложечки, заставив их, раздраженных, умолкнуть, и машинально выдохнул

русское «Да?» – ему всегда было сложно переключиться с многоголосья в голове на неродной язык, и теперь, спохватившись, как мог сымпровизировал переход:

– Da, ich bin für Sie da!

– Двойной эспresso? – холодно повторила посетительница по-немецки.

– Разумеется! Двойной? Разумеется, двойной! – Стас кинулся выполнять заказ.

Незнакомка, облокотившись о витрину с пирогами, стала с интересом следить за неловкой суетой официанта, отчего та становилась еще более неловкой – все действия свои он производил сейчас неправильно, не в том порядке, чертыхаясь про себя, безуспешно собираясь с мыслями, точно спросонья, превращая рутинную работу в целый аттракцион: чашку побольше, нет, эспresso, значит, поменьше, нет, двойной, значит, побольше – и блюдечко соответствующее, нет, не то, всё не то, а вот и то, и да, и ложечка, куда ж без нее, и рядом легла верная, в хрустящей упаковке печенка с истекшим сроком хранения – в любом случае, не более чем декор и дань уважения традиции.

– Ты пишешь, – без лишнего предисловия произнесла девушка скорее с утвердительной, чем вопросительной интонацией.

Стас встревоженно покосился на посетительницу. Минимум косметики, тонкие черты лица, высокие скулы – ей могло быть и чуть за тридцать, и под сорок; в наш век подобное зачастую сложно угадать на глаз, тут требуется либо спектральный анализ, либо признание под пытками, поэтому во избежание недоразумений будем и в дальнейшем называть ее «девушкой». Однако девушкой она была явно не самой обычной, что подчеркивалось платьем просторным, нестандартного покроя, желтым в черный горох, с весьма вызывающим вырезом, а довершала образ модная стрижка каре цвета глицинии. Впрочем, дело было не во внешнем виде, на окрестных улицах встречались и куда более привлекательные, и куда более причудливо разодетые девицы всевозможных национальностей – Стаса же смутил ее цепкий, изучающий взгляд энтомолога. И как бы догадываясь, какую реакцию может вызывать взор ее жгучих темных глаз, смотрела незнакомка в основном с насмешливым прищуром, тем самым немного приглушая эффект, а время от времени и вовсе отводила глаза, позволяя собеседнику отдышаться.

– Да, пишу, там, знаете ли, всякое, – осторожно подтвердил Стас.

– Всякое? – усмехнувшись, покачала она головой. – Ну-ну...

После чего отвернулась и грациозной походкой проследовала к одному из столиков у окна, продолжая говорить, – но тут, выпустив пар, возмущенно взревела кофемашина, заглушив все прочие звуки.

– Что-что? – переспросил юноша, перегнувшись через прилавок, и воровато, впопыхах, оценил едва угадываемую под платьем фигуру посетительницы. – Я не расслышал!

– Не важно. Забудь.

Оценив замороженную ухмылку Бельмондо с бликами света, точно иней, на губах, девушка села к портрету спиной, к Стасу в профиль.

Пока кофе, плюясь и пришептывая свои колумбийские ругательства, тонкой струйкой наполнял чашку, молодой человек с чувством вины оглянулся на рукопись – мелькнувшая было мысль успела ускользнуть, как обольстительные очертания после

пробуждения. Тусклый свет, падающий на тетрадь сквозь пыльное витражное окно, боролся с тенью нехотя, через силу, отказываясь оживлять препятствия разноцветьем; разве что в провале между холодильником и стеллажом, словно от дыхания кого-то спрятавшегося, выдвинулась и, блеснув алым и фиолетовым, вновь исчезла паутина, напомнив Стасу о его клятвенном обещании сегодня кафе убрать, отмыть, проветрить – что ничуть не способствовало вдохновению.

Он тяжело вздохнул и отнес эспрессо посетительнице – вместе с сахарницей и стаканом воды на подносе. Девушка внимательно обвела глазами заказ, затем и самого официанта, и благодарить не стала.

– Так что же ты там пишешь?

– А, ну, это так. Всего лишь роман, – с напускной неохотой ответил Стас. – Большой, сложный роман, о молодом человеке...

– О ком же еще, – пробормотала девушка себе под нос, сделав первый глоток.

Юноша опешил:

– В смысле?!

– А пироги здесь вкусные? – подняла она на него свой пронзительный взгляд. – Стоит рискнуть?

– Пироги? Ну, разные есть, например, с ревенем, тыквой, шпинатом...

– Есть разные, а вкусных нет? Скажи честно, ты как писатель еще хуже, чем официант? Или есть надежда?

Стас беспомощно развел руками – он был уже окончательно сбит с толку.

– Молодой человек пишет о молодом человеке, – нараспев проговорила незнакомка, обратившись к окну, где скопом сонно покачивающихся отражений как раз проплыл старый трамвай со своим особым, звеняще-грохочущим постаныванием из прошлого века. – Кроме того молодой человек пишет о любви, страсти, обмане и смерти. И ничего подобного сам пока еще не пережил.

– Ну, почему же? – обидчиво возразил он. – Меня тоже обманывали, этот мир полон разочарований...

– Ох, бедняжка! – оживилась девушка, откровенно обрадовавшись поводу для сарказма. – Так ты, вкусив стихийный материализм и кантовский позитивизм, осознал-таки, что подарки приносит вовсе не Дед Мороз?! Ай-яй-яй, вот незадача... как теперь жить-то с этим знанием?!

Тут Стас не выдержал:

– Вы что, издеваетесь надо мной?!

– А ты настолько боишься женщин, что обращаешься к ним на «вы»?

Он, не моргнув глазом, повторил вопрос:

– Ты – издеваешься надо мной?

– Да, – призналась она. – Но ничего личного. Видишь ли, когда у молодого человека нет постоянной партнерши по танцам в постели, все его разговоры, поступки и уж тем более все его рассказы и прочие тексты, так или иначе, превращаются в предкоитальную манипуляцию. Сюжеты эпатажны, хотя и предсказуемы: мир жестокий, девицы вероломны, главный герой страдает на протяжении сотен страниц и в итоге жертвует собой, дабы выяснить, что всё произошедшее было не более чем обманом. Или сном. Или психическим расстройством. Или что он давно уже умер. В общем, что-нибудь

эдакое, отчего предполагаемая, не самая образованная читательница захлопала бы в ладоши и на месте бы отдалась.

Юноша не очень убедительно фыркнул и поспешил вернуться за прилавок, стараясь при этом скрыть свое потрясение, – в шутовском обобщении незнакомка умудрилась угадать один из наиболее лелеемых вариантов финала, не говоря о самом факте его одиночества. Кто это девушка?! Что она себе возомнила?! Ворвалась сюда посреди рабочего дня, бесцеремонно вырвала Стаса из сладкого, хоть и бесплодного безвременья, пьет кофе и потешается над его творчеством, не прочитав ни строчки... Со всем присущим ему драматизмом он опять почувствовал себя иммигрантом в стране, которая его приютила, но никогда по-настоящему не примет и не полюбит. Он сдохнет чужаком. Прямо здесь, в этом кафе. В безвестности. Рядом с пирогами, которые всё равно никто не ест.

– Ладно, звать-то тебя как? – спросила незнакомка примирительным тоном.

– Станислав, – буркнул он, гремя посудой.

– Станислав? Болгарин?

– Нет... Русский.

– О, так это у тебя русский акцент? Мне нравится, – улыбнулась она. – Красивый язык. И весьма сексуальный.

– Серьезно?!

Стас просиял против собственной воли и выглянул из-за витрины. Наконец-то он сообразил, что, возможно и даже вполне вероятно, с ним таким способом заигрывали, и стал лихорадочно размышлять, стоило ли ему утрировать свое произношение – до уровня, скажем, русских террористов голливудских кровей.

Между тем девушка продолжала задавать неожиданные вопросы:

– И Достоевского наверняка читал?

– Естественно, – кивнул он, не раздумывая (хотя на тот момент знаком был разве что с «Преступлением и наказанием» благодаря школьной программе и «Идиотом» благодаря телесериалу).

– А вот это славно, – сказала она задумчиво. – Может пригодиться.

Кому? Когда? Кроме как на экзаменах, Стасу никогда прежде не доводилось сталкиваться с ситуациями, в которых Федор Михайлович, несмотря на всю его заочно признанную мудрость, мог бы пригодиться.

– А на сцене не играл?

– Нет, не играл, – в замешательстве подтвердил Стас.

– Что ж, – пожала она плечами, – nobody's perfect. Меня, кстати, Мона зовут.

– Эмм, очень приятно... наверно...

Встав из-за стола, оставив рядом с чашкой двуххвровую монету и крутанув ее напоследок так, что та еще долго звенела-дребезжала, Мона плавно направилась к выходу, где задержалась лишь затем, чтобы выудить из одной из вазочек лиловые цветы. Стасу не хватило духу остановить ее, да он и сам невольно залюбовался очаровательной нахалкой, как та, прикрыв глаза, с наслаждением вдохнула запах букетика, идеально совпадавшего по цвету с ее волосами, – выглядело это так, будто аляповатую дореволюционную фотографию подкрасил не то бедный на краски, не то богатый на выдумку подмастерье.

– Так ты идешь? – обернулась к нему девушка – недоуменно нахмурившись, точно ожидала, что официант уже стоит наготове у нее за спиной.

– Куда? – растерялся Стас.

– Здесь недалеко, – и поскольку юношу всё еще терзали сомнения, она сокрушенно вздохнула, правда, не без лукавых искорок в глазах: – Ах, что же стало с нынешним поколением?! Где страсть, где азарт, где, в конце концов, простое человеческое любопытство?! Видишь ли, Станислав, у тебя есть два варианта: либо ты останешься в этом безлюдном убогом месте и будешь всю оставшуюся жизнь фантазировать на тему того, что сегодня упустил. Либо ты пойдешь со мной – и больше никогда не будешь прежним... К тому же, мне действительно хотелось бы узнать, о чем там твой роман. Кто знает – вдруг мне понравится?

После этих слов Мона развернулась и, помахивая букетиком, покинула заведение.

На протяжении нескольких секунд Стас, остолбенев, таращился на дверь, закрывающуюся за пришельцей с другой планеты: что это было?! глупая шутка? или всё-таки некое собеседование, которое он, судя по всему, успешно прошел? Его воображение, подогретое сюжетами многочисленных фильмов для взрослых, разыгралось; он огляделся в кафе, вмиг обветшавшем и всем своим тоскливым видом признавшем вину в его творческом кризисе. И, быть может, если бы не последние фразы таинственной клиентки, он бы остался на месте – однако, обуреваемый тщеславием и, чего уж греха таить, похотью, юноша скинул фартук и перемахнул через прилавок, с сердцем, колотящимся в горле, выбежал на улицу и долго, мучительно искал на связке нужный ключ, прежде чем смог закрыть дверь на два оборота и вприпрыжку догнать девушку, невозмутимо удалявшуюся прочь.

Час, ну, полтора от силы, никто не хватится его «в этом безлюдном убогом месте», он же слышивал о таких женщинах, скучающих нимфоманках, такое вовсе не исключено, тем более в Кёльне! – позже Стас, конечно же, неоднократно укорял себя за то, что не следил тогда за дорогой, совершенно не запомнил адреса (как долго они шли – минут десять, пятнадцать, двадцать? сворачивали ли из одного переулка в другой? как часто переходили дорогу? кажется, им на пути встретился мост, кажется, что-то еще, но что, что?! звуки, люди, по крайней мере, вывеска или билборд?!), так как, одурманенный предвкушением, весь сосредоточился на девушке и своем романе, который он увлеченно пересказывал, путаясь в очередности событий и всё надеясь удивить попутчицу. Мона же эмоций решительно не выказывала, разве что иногда одаривала пристальным взглядом, пряча кошачью свою улыбку за цветами, да меланхолично, в такт шагам, кивала – то ли в знак одобрения, то ли собственным мыслям.

– Нам сюда, – перебила она его в самый неподходящий момент, когда главный герой романа как раз замечает, как чайники в его чае складываются в бранное слово, в связи с чем герой начинает сомневаться в реальности происходящего.

Устремившийся было дальше Стас спохватился, вернулся на пару шагов назад, осмотрелся и из всей дороги смог сохранить в памяти только то, что увидел тогда, – колоннаду бесстыжих платанов да фасад старого дома, спрятавшегося за чугунной оградой.

– Мона... я так и не сказал тебе, что у тебя очень красивое имя...

Они вошли в дом.

– Мона... и это платье, оно тебе очень идет...

Они миновали лестничный пролет.

– Мона, и этот дом, эта квартира, всё обставлено с таким вкусом...

В прихожей Мона закрыла за ним дверь на ключ и, пройдя вперед, в раздумье сощурилась, словно вспоминала, что еще собиралась сделать.

– Что это за аромат? Вот эти твои духи, они как называются?

Молодой человек принялся стягивать с себя кроссовки, уповая на то, что девушка не заметит его дырявых носков, отчего не спускал с нее глаз – и, забегая мыслью вперед, с внутренней усмешкой уже сочинял, как будет впоследствии прощаться – словами, пропитанными прохладной благодарностью. И, скажем, через неделю, он мог бы вновь навестить ее, как бы невзначай, на этот раз с маленьким подарком – флаконом ее любимых духов, который он извлечет из фланелевого мешочка, с одной лишь целью, чтобы увидеть, как вспыхнет от смущения ее лицо: как?! ты запомнил? Но глубже в свои манящие чертоги воображение не успело его впустить, потому что Стас увидел руку.

Мужская рука появилась из ниоткуда, из-за угла, из дверного проема гостиной – самым страшным образом, который Стас мог себе представить: шевеля пальцами, крупными, волосатыми, растопыренными, будто пробуя воздух наощупь, а на безымянном матово блеснуло золотое кольцо. После чего рука метнулась в сторону, вцепилась в дверной косяк, и раздался встревоженный голос:

– Мона, ты? Мона, ты здесь?!

Стас, похолодевший, отшатнулся назад. Рука и голос принадлежали грузному мужчине, седому, при этом явно не старому, скорей всего, лет под пятьдесят, облаченному в алую шелковую пижаму, и был он слеп, Стас с ходу это понял – по мутному взгляду и тому, как осторожно тот вплыл в коридор, как передвигался в пространстве, едва приподняв угловатый подбородок, вслушиваясь в окружающие звуки и щупая стены. Первым импульсом Стаса было убежать прочь, это было совсем-совсем не то, на что он рассчитывал, но слыхивал он и о подобном, об открытых отношениях, полиамории и соответствующих оргиях, такое тоже бывает, тем более в Кёльне – как бы то ни было, дверь была закрыта, а ключ держала в руке Мона, в чьих глазах опять заплясали лукавые огоньки, пока она с нескрываемым удовольствием наблюдала за паникой Стаса.

– Милый, разумеется, это я, – проворковала она и поцеловала мужчину в щеку, прямо в серебристую щетину. – Всё хорошо, не волнуйся, я рядом...

– Ты же не одна, да? – с опаской спросил он. – Я слышал голос, с тобой кто-то еще?

Он повернул к юноше свое мятое, какое-то невыспавшееся лицо, и, невзирая на то, что его вроде бы не могли видеть, Стас затаил дыхание.

– Ты, как всегда, прав, милый, – просияла улыбкой Мона. – Я привела с собой молодого человека. И прошу тебя не ругаться, прежде выслушай и постарайся дать ему шанс! – он журналист.

«Я – кто?!» – удивился про себя Стас. Девушка же махнула в его направлении рукой, мол, подожди, сейчас объясню.

– Что?! – скривился мужчина. – Нет, ну, Мона, ну, нет, ну, сколько можно...

Девушка успокаивающе его обняла:

– Мартин, мы же говорили на эту тему. Не тебе это нужно, это нужно другим. Твои читатели ждут нового интервью. Хватит водить их за нос, они заслужили честный разговор с тобой. К тому же этот молодой человек – из русского филиала журнала «Нью-Йоркер», специально прилетел из России, проделал весь этот долгий путь, исключительно чтобы встретиться с тобой. С воскресенья куковал под нашими окнами, я не хотела тебе об этом говорить, а сегодня он коварно подкупил меня букетом цветов. Моих любимых, полевых. На вот, понюхай.

Мартин послушно понюхал и вздохнул:

– Ну, раз полевые, то тут я бессилён... Молодой, говоришь? И наверняка же симпатичный, я прав?

Мона развеселилась:

– Дело вкуса!

Оттого, как они его обсуждали, Стас чувствовал себя крайне неловко, а мужчина уже протягивал руку в угол, мимо гостя, и приветствовал его с хмурой язвительностью:

– Добро пожаловать. Мартин Гемба – впрочем, вы и так знаете, как меня зовут. Прошу прощения за свой внешний вид, визитов на сегодня не намечалось...

Стас нерешительно посмотрел на Мону, и та одним движением бровей дала ему понять, что ему, как вежливому мальчику, надлежит ответить.

– Здравсьте, – сконфуженно пожал он крепкую ладонь.

– Владислав Незванов, – представила его девушка.

Стас опять уставился на нее: фамилию она, видимо, придумала на ходу, а вот насчет имени он не был уверен, не перепутала ли она такие похожие для немецкого уха «Станислав» и «Владислав». Хотя, по большому счету, ему было безразлично.

– Владислав Незванов, – вяло согласился он. – Очень рад.

Мона как-то засуетилась, отправила Мартина переодеваться в спальню, и тот, неспешно удаляясь вглубь коридора, чуть касаясь стены, проворчал себе под нос, что русские могли бы и перевести одно из его прежних интервью, наверняка же будут задавать те же вопросы, от которых у него уже мигрень... Между тем Мона приблизилась к Стасу и шепотом похвалила за находчивость, пока всё шло идеально.

– Да-да-да, – нервно закивал он в ответ, – это же твой муж, да? Ну, конечно же, это твой муж, слушай, я ничего не понимаю, но я пойду, мне обратно надо, на работу, а вы тут как-нибудь сами...

– Ты мне нужен, – возразила она. – Обещаю – много времени не займет. Если останешься, подыграешь и будешь следовать моим инструкциям, то, поверь мне, не пожалеешь. Вознаграждение гарантировано.

Последние слова она прошептала ему в самое ухо, придвинувшись всем телом, отчего у Стаса задрожали колени, – запахи ее лиловых волос, ее тела, невероятно соблазнительный голос, шорохи платья, глубокое декольте, за краем которого подразумевалось такое манящее, такое близкое счастье, всё это мигом свело Стаса с ума. И другого объяснения, почему дал уговорить себя на этот розыгрыш, он спустя годы найти уже не мог – быть может, гипноз? или даже нейролингвистическое программирование? Случается всякое, тем более в Кёльне!

2.

Позже, сидя в гостиной за круглым деревянным столом, Стас бегло пролистал на смартфоне список разноликих картин гемб и с таким именем не нашел никого известного, ни одного слепого или хотя бы живущего поблизости, и в ожидании обещанных инструкций попытался собраться с мыслями, разглядывая комнату. Паркетный пол, высокие потолки с лепниной, тяжеловесная, внушающая оторопь люстра – комната была в доме угловая, оттого сизый осенний свет проникал сюда сразу с двух перспектив, будто бы снаружи на небо выкатились два солнца, недоуменно вылупившиеся друг на друга, а стены были практически скрыты книжными, забитыми до отказа шкафами. Кроме того, книги располагались стопками и россыпью и на всех прочих доступных поверхностях – на большом письменном столе, кушетке, пианино и на полу по углам; некоторые современные, кричащие обложки смотрелись инородным телом среди декораций не то французской антикварной лавки, не то итальянского фильма ужасов начала семидесятых; устойчивый аромат ментоловых сигарет, репродукции средневековых эротических гравюр и несколько фарфоровых кукол со злыми, как у бывшей, личиками довершали впечатление.

Стас поежился, после чего подышал в ладонь, проверяя, нет ли у него неприятного запаха изо рта, и результатом проверки остался доволен.

Когда пара вернулась в гостиную, Мартин был уже одет в серый твидовый костюм, нацепил темные очки, привел в порядок свои седые волосы, зачесав их назад и оголив постепенно охватывающие голову залысины; передвигался уверенней, приосанившись, пока Мона, слегка придерживая за локоть, подводила его к столу. После чего она – мягко, без лишних движений, точно это был привычный ритуал, – поставила на стол кувшин с чайным букетом и расположила перед супругом смартфон, на котором демонстративно включила функцию диктофона, а перед Стасом лег лист с машинописным списком, начинавшемся так: «1. Прежде всего, от лица редакции русского филиала...», где упоминание русского филиала было вписано, видно, только что, карандашом, над строчкой.

– Ну, что же, господин Незванов, – объявил, с шумом усаживаясь, Мартин, – приступим? Могу уделить вам не больше получаса – сами понимаете, вдохновение, новый роман, абсолютно нет времени на глупости. Поэтому я был бы заинтересован в том, чтобы покончить с этим постыдным делом как можно скорее. Надеюсь, вы не против?

У Стаса возникло такое ощущение, как если бы он поднялся на университетскую кафедру со скачанным из интернета рефератом, который он еще не читал и темы не знал, как не знал и аудитории, и той реакции, какую ему следовало ожидать; в горле пересохло. Он жалобно вскинул глаза на Мону, но та, опустившись напротив него, умиротворяющим жестом показала, что всё, что ему нужно сделать, это прочитать вопросы вслух, всего и делов.

– Прежде всего, от лица редакции русского филиала журнала «Нью-Йоркер», – откашлявшись, стал тот покорно зачитывать – немного не своим, чуть более низким голосом, неосознанно стараясь казаться старше, – я хотел бы поблагодарить за предоставленную возможность провести с вами интервью, поскольку...

– Само собой, – отмахнулся Мартин. – Единственно, о чем попрошу, – не пишите в статье, что подкупили мою жену цветами, а то отбою от вашего брата не будет!

Стас кивнул, затем догадался, что кивок его не слышен, и потому поспешно добавил: «Хорошо». Мона закатила глаза.

– Ваши произведения публиковались большими тиражами, – продолжал Стас, – все романы поочередно становились бестселлерами как в Германии, так и по всему миру, на сегодняшний день они переведены на тридцать языков, включая эсперанто и суахили. Сам Мишель Уэльбек в своих интервью говорит о влиянии вашего таланта на его творчество, о своем невероятном восхищении вашей прозой, исполненной честными, идущими от сердца словами...

Спрятавшись за текст, Стас смог унять свою дрожь, но именно на этом месте запнулся и с подозрением взглянул на Мартина – неужели он и впрямь очутился в доме столь знаменитого автора? Тогда почему никогда о нем не слышал и сведений в сети никаких не нашел? Быть может, тот был известен миру под другим именем, под псевдонимом? Правда, Стас, мертвой хваткой вцепившийся в десяток полюбившихся книг прошлого века, современной литературой особо не увлекался и за критическими статьями не следил, он и Уэльбека-то никогда не читал, однако, зная краткое содержание его произведений, ловко умел вворачивать красивое имя в беседу.

Мартин криво усмехнулся:

– Да, Мишель он такой, впечатлительный... надо будет на днях позвонить ему...

– Тем не менее, – читал Стас, – внимание международной общественности приковано к главной литературной премии мира, присуждение которой пройдет сегодня вечером. На протяжении долгих месяцев в писательских кругах шли жаркие дискуссии на тему, решится ли жюри и на этот раз проигнорировать ваш талант. Вашим верным читателям было бы важно узнать, как вы сами объясняете тот факт, что ваши романы еще ни разу не были удостоены премии такого уровня? Считаете ли вы, что это результат некоей кулуарной политики, направленной против вас? И если да, то есть ли у вас вообще шанс стать одним из лауреатов? Тем более что церемония награждения в этом году проходит не так далеко отсюда, в Дюссельдорфе...

Мона поправила Мартину воротник рубашки, тот передернул плечом и тем самым выдал свое внутреннее напряжение; несмотря на то, что оба они на первый взгляд совершенно не подходили друг другу – она такая изящная, яркая и непосредственная, пленительная в своей загадочности, он же тяжелый, с грубыми чертами лица, излучающий усталость и раздражение – и да, слепой, он же слепой, как так, зачем, он же не в состоянии оценить ее красоту! – так вот, несмотря на это, было между ними всё-таки что-то неуловимо общее – на уровне движений, чувства друг друга, что ли, почти незаметные договоренности, подсказывающие внимательному наблюдателю примерное количество лет, прожитых парой вместе.

– Если начистоту – ехать на церемонию не собираюсь, хоть и приглашен, – кисло признался Мартин. – Почему? Это же торжество фарисейства: и междусобойчики этих несостоявшихся литераторов, и решения их, политически мотивированные, и ярлыки, которые они столь радостно развешивают на чужое творчество, словно бирки на пальцы ног покойникам, – всё это мне как-то не очень интересно и, честно говоря, противно. Тенденции подобных мероприятий слишком наглядны: лаврами будут увенчаны лишь

те, кто проявил лояльность к определенным социальным темам, чья плохо пахнущая злободневность вызывает сомнение. Плюньте туда, куда плюнули все, кому не лень. Украсьте прямое, как палка, высказывание вычурными описаниями и дешевой претенциозностью, например нелинейной подачей сюжета. Приправьте блюдо щепоткой абсурда и псевдо-провокациями в виде половых извращений. Создайте, наконец, иллюзию сокровенной правды, на которую вы якобы открываете читателям глаза, и – вуаля! – готов очередной «голый король»! Хоть сейчас на плаху...

Мона беззвучно перегнулась через стол и ткнула пальцем в уже прочитанный вопрос.

– При всем при том, – понял ее намек Стас, – как вы сами объясняете тот факт, что ваши романы еще ни разу не были удостоены премии такого уровня?

Мартин скривился и поправил очки – вопрос ему был, безусловно, неприятен, не зря он оставил его без внимания в первый раз. Отметив это чуть ли не с удовлетворением, Мона на пальцах изобразила цифру «семь»; Стас пробежал глазами по седьмому вопросу и, колеблясь, покачал головой. Но девушка была непреклонна.

– Так, может... слепота физическая ограничивает творчество? – неуверенно прочитал Стас. – Ведь если мир сокрыт за стальными дверями, то всё игровое пространство для фантазии сводится к бесконечному падению в темноте да тесноте, не так ли? Не это ли является препятствием для истинной свободы созидания, для настоящего признания?

– Прошу прощения? – чересчур вежливо переспросил Мартин, и Стас повторил фразу – едва слышно.

– Что ж, вопрос – не в бровь, а в глаз, молодой человек.

Даже темные стекла его очков сверкнули нехорошим блеском – Мона ласково погладила Мартина по руке, и тот ее одернул, еле сдерживаясь:

– Подожди, не надо, сам знаю... Мне вменяют здесь слепоту, слепоту не только физическую, но духовную! Брат мой Хорхе, дай мне сил! Обернитесь, молодой человек, обернитесь же немедленно и оцените – за вашей спиной находится стеллаж с книгами, автором которых является ваш непокорный слуга. Пять романов, двадцать семь рассказов, две поэмы, не считая очерков, стихов и там по мелочам...

Стас сам не верил, что угодил в столь анекдотичное положение: его заманили, использовали для своих неведомых целей, а теперь еще и злились на него, притом что он никому ничего плохого не сделал и обидеть никого не желал, а лишь зачитывал то, что стояло на бумаге! Но, безропотно следуя указанию, он оглянулся назад – и растерянно обнаружил на полках вовсе не те книги, какие ожидал увидеть: второй том Гарри Поттера, «Капитал» Маркса, «Жюстину» маркиза де Сада, биографию Энди Уорхола, словарь латинских выражений – и далее толпились какие-то совсем уж несуразные проходимцы вроде «Советов по уходу за домашним садом» и «Избранных партий чемпионов мира по шахматам».

– Вы искренне считаете, что во всех этих текстах речь идет исключительно о «темноте и тесноте»?! Чушь! При чем тут премии-награды?! Я разговариваю напрямую с читателями, а не с критиками. Как вы сами упомянули, книги эти переведены на разные языки мира – по той простой причине, что в них много значимых мыслей, способных изменить жизнь миллионов. Именно поэтому я почти каждый день получаю письма от

своих благодарных читателей, ибо я пишу прозу психологическую, глубокую, пронизанную аллюзиями – аллюзиями, да, если угодно, цитатами, отсылками, но отнюдь не копиями! Не подделками! Не комбинациями существующих текстов! Постмодернизм ваш в зубах навяз, люди алчут откровения, чистых переживаний...

Стас обвел глазами корешки книг и на других полках. Ошибки быть не могло – ни на одной из них не значился автором М. Гемба. У юноши мелькнуло подозрение, что он имеет дело с сумасшедшим, возомнившим, что написал все книги, включая Бхагавадгиту и «Дон Кихота». Но когда Стас заметил, с какой холодной любознательностью следит Мона за его поведением, его в мгновение ока пронзило ясное осознание того, что здесь на самом деле происходит, – ему стало душно, и он испугался, что закричит сейчас во весь голос, что однозначно шло вразрез с инструкциями.

– Гений не остановить, мысль моя не знает преград, так как внутренний мой взор охватывает всё, что было, есть и будет! В своем новом романе я как раз нашел наиболее точную метафору для моего восприятия мироустройства, где... Мона, будь добра, передай мне «Повторную дефлорацию».

Стас не успел рассмотреть, какую книгу передала Мона своему мужу, но прикосновение к обложке того успокоило гораздо больше прикосновений супруги.

– Очень нравится это издание, – прижав книгу к груди, поглаживая, будто замершего кролика, мягко произнес Мартин, – прямо-таки осязаешь тепло и энергию, исходящую от каждой строки... Возможно, это всего-навсего привычный самообман, заставляющий считать именно последнее творение шедевром, однако бесспорно одно: это сочинение – квинтэссенция моей философии. И я хочу, чтобы этот экземпляр принадлежал вам, молодой человек.

Мартин протянул книгу Стасу:

– Откройте вторую главу, просто прочтите про себя первый абзац, пропустите его через себя, вдумайтесь в эти строки!

– Спасибо...

– Уверю вас, вы сразу всё поймете.

В руках измученного Стаса оказалось пособие «Очистка организма от токсинов: Зло внутри нас». Машинально открыв книгу на второй главе, Стас даже обрадовался, что его не попросили прочитать ее начало вслух: «Одна из самых загадочных очистительных процедур аюрведы – это вамана (рвотная терапия). Тщательно контролируемая рвота позволяет удалить застоявшиеся отходы из организма и гарантирует ощущение чистоты...»

– И знаете, – вкрадчиво сказал Мартин, – мне нечего добавить к этим словам, пусть это и будет ответом на ваш вопрос.

Токсины. Рвотная терапия. Ощущение чистоты. Мартин был прав – всё действительно разом стало на свои места: не существовало никаких (по крайней мере, изданных) книг М. Гембы, не было ни славы его, ни поклонников, потому-то и не нашлось никаких сведений о слепом писателе, потому-то никто и не жаждал взять у него интервью!

Пока Стас соображал, как ему поступить, Мона, глядя ему прямо в глаза, прижала указательный палец вертикально к своим губам, недвусмысленно приказывая молчать о догадке, а затем тем же пальцем провела горизонтальную линию по собственному горлу

– и по ее непроницаемому выражению лица было сложно определить, насколько угроза реальна. Жест этот вполне мог быть шуткой, но, внутренне содрогнувшись, Стас ясно представил себе, с какой легкостью эта девушка может перегнуться через стол и воткнуть ему в горло, скажем, ржавые ножницы, да так, чтобы хлынувшей кровью он залил стол, список вопросов, смартфон, и на платье ей бы тоже досталось, после чего, изрыгая хриплую ругань, свалился бы он под стол, где затих бы уже навсегда. Теперь-то он понимал, что попал в дом к абсолютно незнакомым людям, не зная, на что те способны, – и мучительно пытался разобраться, чего добивалась сидящая напротив него с самым невинным видом незнакомка, когда столь изощренно издевалась над своим слепым супругом.

– Предположу, что «Повторную дефлорацию» вы еще не читали, – со снисходительным благодушием заметил Мартин. – Я прав?

– Да, прошу прощения, – в смешанных чувствах ответил Стас и, помедлив, не смог сдержать колкости в сторону Моны: – Вроде бы роман на русском еще не вышел?

Девушка не то недовольно, не то удивленно приподняла одну бровь – такого хода от гостя она не ожидала.

– Всё верно, – подтвердила она. – Но уже в процессе, к следующей книжной ярмарке...

– Так вот, – перебил ее Мартин, не придав значения ее словам, – занятно, что вы упомянули именно стальные двери, ибо о них говорится и в «Дефлорации». Вопреки художественной форме, в ваших руках трактат о творчестве, где я со всей возложенной на меня ответственностью объясняю, как воспарить духом к высшим сферам, как увидеть оттуда изнанку жизни, как собрать мир по крупицам воедино и придать хаосу форму, – проще говоря, как создать настоящее произведение искусства, которое было бы в силах затронуть душевные струны читателя...

Стас насторожился. Ему вдруг подумалось, что инцидент этот – далеко не случаен, и что в кафе этом работал он не случайно, и девушка зашла туда вовсе не случайно, потому как еще немного терпения – и он услышит что-то важное, что-то, что, скорей всего, было заперто в четырех стенах на протяжении многих лет, что-то, что поможет ему самому, какая-то мысль, которая перевернет его мировоззрение и переместит его в будущее, где он признанный романист, где уже всё свершилось – и осталось разве что почивать на лаврах.

– Упомянутые вами стальные двери – сугубо у вас в голове, откройте их, проявите мужество, преодолите ваши собственные границы! – пустился в объяснения Мартин, откинувшись чуть назад и расправив плечи, будто разговаривал с большой аудиторией. – Пускай критики вновь обвинят меня в религиозных спекуляциях, вот только вакуум ничего породить не может, тут вы правы. Требуется конфликт, вспышка, взрыв. Вряд ли этот мир был создан от скуки, там наверняка что-то такое непредвиденное было, что потрясло до глубины души и подтолкнуло к некоей идее. Непривычное, неудобное. Ты можешь быть по уши погружен в комфортные ощущения, как то – запах любимой женщины или мурлыканье кота, однако в чувство тебя приведет именно хамство, удар хулигана на улице, отключение отопления или отравление от прокисшего молока... или там, я не знаю, голубь, залетевший в дом, обезумевший кот, с утробным рычанием рвущий птицу, и ты, не видящий животное, но решающий спасти птицу и в итоге

убивающий их обоих... Тогда-то и совершается чудо, когда шок проходит, а руки твои еще в крови и перьях. Тогда-то и приходит вдохновение, после таких маленьких перерождений и создаются великие истории! Так и Достоевский стал Достоевским в момент предполагаемой казни. Вы же читали Достоевского?

– Конечно, – промямлил Стас.

Мона скорчила забавную рожицу и показала ему язык.

– Я же, как и он, за новую, разрушительную эстетику, которая заменит многоточия на восклицательные знаки, – развивал Мартин свою мысль дальше. – Мне кажется, это могло бы помочь человечеству, ведь услышать сердцебиение вселенной дано далеко не каждому – так называемые зрячие ведь и не подозревают, каков на самом деле аромат ненависти или привкус счастья, какова любовь на ощупь! Поверьте мне, вовсе необязательно знать, как выглядит цветовой спектр, чтобы описать радугу в романе. Истина скрывается за тем, что с детства приучили вас видеть в окружающем мире, ваш мозг засорен шаблонами – поэтому библиотеки и полны халтурой, написанной как под копирку. А как зрячему вновь научиться видеть – спросите вы? И я отвечу: перестаньте смотреть. Разучитесь писать правильно, отпустите себя, перестаньте думать, перестаньте верить в общество, в добро, зло, все эти навязанные идеалы, вообще в смысл образования и авторитет людей, которые толком и не знают о вашем существовании! Обретите в первую очередь внутреннюю свободу, поскольку пока что все вы – не более чем рабы чужих иллюзий...

Стас с досадой подумал, что Мартин, того и гляди, перейдет на бесхитростные рекламные лозунги вроде «Будь собой», «Just do it» и «Carpe diem», в духе лирических статусов насквозь фальшивых барышень в социальных сетях и монологов не менее фальшивых тренеров личностного роста. И он не ошибся. Мартин говорил много и охотно, смакуя каждое слово, откровенно наслаждаясь тем фактом, что его слушают и за ним записывают, отчего мысль его неслась как бумажный кораблик по волнам весеннего половодья; он рассказывал о своей репутации бескомпромиссного художника и необходимости жить-умирать-возрождаться на каждой странице, о заключительной части своей тетралогии про кладбище мировых ценностей, о работе со снами как с голосом подсознания, а также о том, как утопично надеяться постичь изначальный замысел – как творца, так и Творца. Мона внимала супругу вполуха, однозначно выслушивая эти тезисы не в первый раз, смотрела во время его монологов рассеянно и пальцем рисовала узоры на поверхности стола; она заставляла себя не терять бдительность лишь тогда, когда Стас зачитывал следующий вопрос, – неслышно, одними губами повторяя вместе с ним, видимо, многократно переписанные слова.

– Вдохновение – это ведь одержимость, приходящая извне, – вещал Мартин, не ведая об интриге вокруг него, – самые ценные мгновения, так резво сменяющие друг друга, что только за них и стоит держаться, крепко, насколько это возможно, так как никакой «постфактум» и уж тем более никакой «постмортем» не принесут подобного блаженства. В творчестве ничего кроме самого процесса не имеет смысла, ибо слава преходяща, время размозит наши песчаные замки, книги сдадут в макулатуру, памятники – в металлолом, а в будущем никто не вспомнит о нас и наших ничтожных открытиях-достижениях...

«Старый дурак, – думал с тоской Стас, – что ты знаешь о жизни?! Нахвтался громких формулировок, которые ничуть не помогают на улицу выйти, не то что – роман дописать...»

– Может, выпьем? – внезапно подала голос Мона. – Не знаю, как вы, а я себе, пожалуй, вина налью.

Она встала, поцеловала благоверного в макушку, и между ней и Стасом произошел немой диалог – он взглядом попросил не оставлять его наедине с Мартином, а она послала ему воздушный поцелуй, мол, Стас с отведенной ему ролью отлично справляется, к тому же она скоро вернется. После чего, покачнувшись, девушка отвернулась и покинула комнату.

– Волнуется, – самодовольно осклабился Мартин, по-своему истолковав повисшую в воздухе паузу. – Всё надеется, что я поеду с ней сегодня в Дюссельдорф, хочет уговорить. А зачем? Не вижу смысла. Светские рауты – это не мое... Вы наверняка считаете мою супругу святой, дескать, слепой муж – это же такая непосильная ноша! Но поверьте мне – Мона счастлива. Более чем. Да, она моя верная соратница и стенографистка, первая читательница или, вернее, слушательница моих романов. Но не забывайте, что она купается в лучах моей славы и может позволить себе жить в той роскоши, которая доступна взору вашему, но, к счастью, не моему!

Стас с сомнением посмотрел по сторонам – невзирая на антиквариат, обстановка в квартире была крайне далека от того, что он представлял себе под понятием «роскошь».

– Истина – в простоте... Принцип этот, между прочим, применим и к литературе: это же не сфера услуг, нужно перестать стараться всенепременно угодить ожиданиям читателя акробатическими трюками и якобы непредсказуемым поворотом в финале. Иногда жизнь – это просто жизнь, серия абсурдных случайностей и красивых совпадений, не более того, никакого сна или наваждения, никакой мистики, всё честно, без затей, хотя порой и глупо...

Вспомнив, что Мона нечто похожее говорила ему в кафе, Стас невольно усмехнулся; ему уже тогда хотелось думать, что она лишь кого-то цитировала. И чем больше он всматривался в никому не известного графомана напротив себя, чем больше вслушивался в его пафосные речи – тем меньше робости испытывал Стас перед ним. Более того, как это неоднократно случалось в его возрасте, одно чувство легко сменилось другим, совершенно противоположным, – на этот раз жалостью: его наконец начала мучить совесть, что фальшивое интервью это всё-таки весьма жестокое надувательство и по-хорошему стоило вмешаться и расставить все точки над «і».

Собрав волю в кулак, с оглядкой на устройство, исправно записывающее их разговор, и на дверь, откуда в любой момент могла появиться Мона, Стас нарочито небрежно задал вопрос, которого не было в списке:

– Вот вы говорите – правда, истина... А что, если истины никакой нет? Или то, что вы считаете правдой, в действительности всего лишь обман... чувств?

Замерев, Мартин повернул голову в сторону коридора, словно намеревался посоветоваться со своей верной соратницей и стенографисткой, – и, видимо, передумав, расслабился и всем корпусом придвинулся к столу:

– Позвольте вашу руку.

Стас нехотя повиновался и вложил свою ладонь в ладонь Мартина, после чего тот крепко сжал ее и принялся изучать аккуратными поглаживаниями.

– Вот вы, молодой человек, нервничаете и оттого потеете. У вас руки лжеца, – с довольным видом заключил Мартин через несколько секунд, показавшихся Стасу вечностью. – Желаете знать – почему?

Стас сглотнул:

– Почему?

– Потому что вы журналист, – ухмыльнулся собеседник. – Работа у вас такая – лгать. Вас за это любят, вам за это платят, вы давно разучились отличать правду от неправды. А я писатель. Мою неправду за версту учуют. Поэтому ложь для меня – непозволительная роскошь, а истина – мое единственное оружие... Вам сколько лет?

– Я что-то пропустила? – осведомилась Мона, заглянув в комнату с бокалом белого вина и почти с умилением созерцая двух мужчин, держащихся за руки.

От неожиданности Стас покраснел, дернулся и высвободил свою руку – чересчур резко, из-за чего задел локтем вазочку, незамедлительно полетевшую на пол: звон, брызги, цветы и осколки в мгновение образовавшейся луже...

– Интервью окончено, – торжественно объявил Мартин и захлопал в ладоши.

Пока Стас, провожаемый Моной в коридор, пятился и рассыпался в благодарностях от лица русского филиала «Нью-Йоркера», Мартин сидел, ссутулившись, и отрешенно кивал, раз за разом, склоняя голову всё ниже к столу, вроде марионетки, которую по окончании спектакля опускают на пол, – тут Мона закрыла дверь в гостиную, и Стас, ощутив легкий поцелуй на своей щеке, очутился перед распахнутой входной дверью:

– Ты был умничкой.

Сырой воздух из подъезда отрезвил его. Стас уставился на вложенную ему в руку купюру – хоть сумма и превышала его дневной заработок, это и сравнить нельзя было с теми райскими усадями, какие сулили намеки, взгляды и его собственная фантазия.

– Не понял.

– Чего ж тут непонятного? – удивилась Мона. – Дверь, улица, спасибо, до свидания – тебя же наверняка в кафе заждались! Или денег мало? За час работы?

Юноша почувствовал себя одновременно и одураченным клиентом, и проституткой, отчего обозлился:

– Да! Мало! Так нельзя, ты же другое... мне... Я так долго его выслушивал, а ты... Нет!

– Люблю красноречивых мужчин.

Стас вообразил, что он и впрямь заслужил компенсацию за пособничество в непостижимой игре и что ненормальные обстоятельства оправдывают несвойственный ему порыв. Гаденькая мысль, что муж ее находится в соседней комнате, отчасти даже подстегивала его: неестественно громко распрощавшись, он захлопнул дверь изнутри, обнял, охваченный решимостью, Мону (ее платье мягко, приятно зашуршало под его пальцами), приблизил лицо к девушке, с насмешливым вызовом взирающей на него, и собрался было поцеловать ее в губы, но она ловко увильнула, не далась, так что он был вынужден коснуться губами ее горячей шеи.

– И каково тебе сейчас?! – зачем-то прошептал Стас.

Мона странно, как бы самой себе, улыбалась и молчала, не сопротивлялась и не звала на помощь, что юноша поначалу расценил как одобрение – вследствие чего прижимал ее к себе, прижимал к стене, жарко, дорвавшись до запретного, целовал в шею, вдоль и поперек, не боясь оставить засос, потому как тот, для кого это могло играть роль, никогда его не увидит.

– Ты же чересчур красива для него, так неправильно...

Впрочем, именно оттого что тело ее до такой степени равнодушно допускало торопливые ласки чужого человека, Стасу быстро опротивело собственное поведение. Мельком поймав себя в настенном зеркале за спиной девушки, свой перепуганный глаз, грязный лоб, он показался самому себе жалким и, по сути, больше уже ничего не хотел, однако по-прежнему упрямо обнимал и целовал – с прицелом на уворачивающиеся губы, с каким-то остервенением, будто тем самым мстил не только за минувший час, а вообще за всё: за несложившиеся отношения, за эмиграцию, за недописанный роман, за слишком уж очевидное отсутствие таланта, за безвестность и студенческую нищету, за то, что такой худой, бледный и лопоухий, – с какой стати он решил, что такая женщина как Мона может им всерьез заинтересоваться?! Эта Мона в его объятиях, эта Мона, которая доступна и недоступна, здесь и не здесь, эта Мона, которая кусает себе губы, чтобы не рассмеяться в голос, – ей становилось щекотно от его девственного пушка на щеках.

– Он ушел?

Снова скрипнула дверь в гостиную; задавая вопрос, Мартин запрокинул подбородок, как если бы не прислушивался, а принохивался, и в голове у Стаса тотчас всплыло сравнение с Бабой-Ягой: ух-ух, чую человеческий дух.

– Да! – с заметным облегчением выдохнула Мона и отстранилась от юноши.

– Вот и славно, – сказал ее супруг. – Где они идиотов-то таких набирают?! Что за невежество, что за скучные и наивные вопросы...

– Русские, – пожала Мона плечами, с иронией покосившись на Стаса, – что с них возьмешь?!

Юноша, бесшумно отпуская ее из своих объятий, не сдержался и ущипнул ее за бок – взять реванш Мона не смогла, всего лишь обожгла его уничтожительным взглядом, так как с другой стороны муж уже тянул ее к себе, и, переходя из рук в руки, девушка небрежно вытерла рукавом мокрую шею. Мартин с отеческой ласковостью погладил ее по голове и стянул лиловый парик, из-под которого она предстала жгучей, короткостриженной брюнеткой, под стать цвету своих глаз, – отчего Стас ощутил укол разочарования: в итоге Мона оказалась гораздо более обыкновенной девушкой, чем он предполагал.

– Опять дурачилась? Не надоело? – хмыкнул Мартин и, отбросив парик, вдруг густым рокошущим голосом произнес: – «Что стало войско северян...»

Слова эти вызвали у девушки загадочную реакцию – по телу Моны, как рябь по воде, пошла дрожь.

– «У моря... на скале...» – проговаривал Мартин строки стихотворения как заклинание, завладев всей девушкой, охватывая и укутывая ее собой, собираясь поглотить полностью.

– Нет-нет, подожди, – нетвердым голосом, из последних сил, попробовала она возразить, проваливаясь в него, в сладкое предчувствие неизбежного. – Нам же собираться, ты уверен?..

– «Слепой король, он словно пьян...» – увлекал ее Мартин в недра жилища.

– Там костюм еще... я же надеялась...

– «Кого зовет во мгле?» – продолжал он, голоса удалялись, Мона, слабо, как малолетка на первом свидании, хихикнула и сдалась, по-видимому, элементарно забыла о присутствии посторонних, после чего они оба скрылись в мерцающем сумраке спальни. – «Слепой король... он снова пьян...»

«Чокнутые», – сделал свой вывод Стас, одел кроссовки и тихо двинулся к выходу, спрашивая себя, как он вообще позволил втянуть себя в эту историю, – и спустя мгновение столкнулся с гораздо более насущной проблемой: как ему покинуть эту проклятую квартиру?!

Дверь, которую он сам же и захлопнул, без ключа, как выяснилось, не отпиралась, а ключ было не найти нигде – ни в скважине, ни на полу, ни на газетном столике, ни в карманах курток и плащей, виновато уткнувшихся в гардероб, и по новой, по кругу, ни в скважине, ни на полу, ни на столике, и так далее – угодив в западню, Стас заметался по коридору, точно ежик из мультфильма в поисках своего свертка. В этом не было никакого смысла, ведь буквально минуту назад Мона сама же отперла дверь, а, значит, его глаза просто в панике не желали распознать ключ среди прочих вещей – или же (только не это!) ключ остался в руке девушки, что бездумно прихватила его с собой в спальню, откуда уже раздавались приглушенные стоны.

Он томился, он неслышно шагал из угла в угол, отфутболил неживой, как сброшенная змеиная кожа, парик, изучал созвездия своих прыщей в зеркале, вздыхал, прислушивался к нежному шепоту и шорохам, опять вздыхал и был готов дожидаться Мону, пожалуй, еще максимум полчаса, пока в кармане не завибрировал его смартфон (к счастью, на работе он всегда отключал звук, иначе... нет, даже думать не хотелось о последовавшем бы конфузе!). Это Урсула дозванивалась до своего нерадивого работника; Стас выключил телефон, предположив рутинную проверку, хотя звонок мог означать и то, что юноше следовало поторопиться. Он рассудил, что иного выхода у него нет и что пора действовать, иначе пытка эта будет длиться вечно (и кафе вспоминалось уже милым, уютным убежищем); на цыпочках, обмирая на каждом шагу, он прокрался к спальне, где на пороге чуть не споткнулся об одежду, и стушевался, по причине того, что там, там, едва укрытые ажурной игрой света, пробивающегося сквозь листву за окном, расплывчатые очертания двух людей развлекались на черной простыне, двигаясь в едином ритме. Мона практически скрылась под своим мужем, выдавая себя разве что постанываниями да обхватившими его по бокам ногами, белыми, стройными, вонзившимися в его блестящую от пота тушу, точно тельце жирного жука поймали медицинскими щипцами – и потому-то он так бился в исступлении, надеясь вырваться.

Со всей аккуратностью, на какую был способен, Стас трясущимися руками исследовал одежду и, не найдя искомого, проскользнул вглубь комнаты, осторожно обошел кровать, постепенно наклоняясь, чтобы поймать взгляд Моны. При этом действия, осуществляемые сейчас супругами, ни в коей мере не возбуждали Стаса, он искренне желал одного – проснуться. Это не моя жизнь, – бубнил голос у него в голове,

– так не должно быть, на его месте должен был быть я, а теперь я смотрю на это со стороны и не понимаю, почему я на это смотрю.

Но вот паркет предательски скрипнул у него под ногой, Стас оцепенел в дикой позе, ощущая, как его бьет озноб; он боялся шевельнуться и дышал при этом открытым ртом, чтобы Мартин не услышал его судорожного дыхания, и тогда Мона, сотрясаемая толчками, выглянула из-под мужа и ошалело уставилась на боевую стойку молодого человека. Стас, как мог, отчаянными жестами, показал ей, что ему срочно нужен ключ, однако девушка почему-то никак не хотела его понять – хотя обычно он был весьма успешен в застольных играх в пантомиму. И когда Мартин угадал, что что-то не так, что жена отвлеклась от процесса, то моментально отвесил ей звонкую оплеуху.

У девушки тут же треснула губа, на что она с лучезарной улыбкой лишь закатила глаза и, облизнув капельку крови, вновь скрылась под мужем. А Стас почувствовал, что ноги у него подкашиваются, что ему сейчас станет дурно, что он вот-вот покачнется и провалится в самую пропасть невыносимой тревоги, которая до сих пор так надежно пряталась за всеми его представлениями о том... о том, как... как всё устроено, как должно быть... Стоит ли говорить, что ничего подобного не произошло?

Юноше, правда, потребовалась минута или две, прежде чем он смог сделать над собой усилие и покинуть спальню на полусогнутых, улизнув обратно в гостиную, где, обливаясь потом, он затаился, сжался в комочек за пианино и зажмурил глаза. Но поскрипывание металлической кровати, этот метроном страсти, ранее незаметный, взялся теперь преследовать его до конца, эхом отдаваясь в квартире, становясь почти осязаемым: крин – криин, крэн – кррэн, кхрэйи – кхрэээиинь – то был тот самый тоскливый звук из детства, неизменно делавший его глубоко несчастным. Хрррень – хрень.

Взлохмаченное ветром небо за окном стало хмуриться; взволнованно зашумели смутные силуэты платанов, скрывающие за собой вид на город, зашевелили щупальцами медленно-медленно, подобно пенсионерам, занимающимся тай-чи на лужайке; Стас, стиснув зубы, старался отвлечься от эротической радиопостановки, считать про себя, вспомнить сюжет своего романа или, на худой конец, вопросы для предстоящего экзамена. Имена путались, голый король Бодрийяр более не желал быть Жаном и отобрал имя у слепого короля Соссюра, который, алча мщения, кидался в него дискурсом, паттернами и прочими невыученными понятиями, и вот уже объявлена беспощадная, чернилопролитная война, и бодро зашагали утюги за сапогами, сапоги за пирогами, и другие официальные лица, а его собственные персонажи, тусклые и картонные, в страхе скукожились у стеночки и только и могли, что безучастно созерцать, как мир расслоился и совокупляется с самим собой, как всё смешалось в доме, кони, люди и залпы тысячи орудий, кхрэйи – скрежет секундной стрелки, кхрэээиинь – скрежет минутной стрелки, и вот он снова Стася, висит на заборе, всматриваясь в дорогу, уходящую вдаль, но никто не придет, никто не возвращается по этой дороге домой, а бабушка с раздражением объясняет ему, что дедушка отныне живет с другой бабушкой, или нет, всё было иначе, это дедушка ему говорил, это девушка ему говорила, и вот он уже на последнем их свидании, где узнает, что это и впрямь их последнее свидание, что все старания насмарку, всё то мороженое и весь тот алкоголь, все походы на пошлейшие вечеринки, все селфи, лайки и вымученные стишки, поскольку она предполагала, что он

интересный человек, раз писатель, значит, может рассказать хоть что-нибудь забавное, а он, как истукан, застыл посреди чужой спальни и вновь пытается сбежать, но ему никогда не выбраться из этого лабиринта, он всё еще бежит оттуда, всякий раз оказываясь за пианино, где на него вытаращило свои стеклянные глаза облезлое чучело кошки с перекошенной мордой.

Вызволяя Стаса из нахлынувшего наваждения, гостиная огласилась гнусной короткой мелодией – поступило новое сообщение, возрадуйся, ты не забыт, припади к экрану и читай немедля, здесь и сейчас, во веки веков.

Он испуганно дернулся – но нет, его смартфон молчал как убитый, а звенело то, другое устройство, оставленное на столе во время интервью. Подталкиваемый ленивым любопытством, Стас поднялся и, подойдя к столу, прочитал начало послания: «Госпожа, спешу уведомить, что указания ваши выполнены в точности. Сегодня, в 19:00...» – далее шла некая латинская аббревиатура, а продолжение скрывалось за интригующим многоточием. Юноша протянул было руку, чтобы разблокировать дисплей, и тут его схватили за шиворот и потащили, обомлевшего, несопротивляющегося, вмиг уменьшившегося в размерах, в коридор – извернувшись, он увидел холодную ярость в лице идеально обнаженной и оттого особенно прекрасной Моны. Без единого слова (локтем он успел коснуться ее груди) она грубо вытолкала его взащей (и было уже не важно, что там насчет ключа, был он, не был, какая, к лешему, разница); Стас кубарем скатился по лестнице и, дыша взхлеб, бросился наутек.

Город, охмелевший от озона, радушно принял блудного сына обратно в свои объятия.

Юноша несся очертя голову, не разбирая дороги, и дождь, мелкий, теплый, маслянистый, вкупе с горькой обидой застилал ему глаза. У этих двоих не все дома, – убеждал он себя, – да-да, психи и извращенцы, ерунда и мерзость, случайным свидетелем которой он стал. Но теперь всё позади, он свободен и сможет убедить себя, что никогда с ними не сталкивался! Прочь!

Район этот он знал плохо, ввиду чего недвижимость с легкостью обратилась в движимость: казавшиеся поначалу безлюдными улицы-переулки заплясали-закружили пестрыми пятнами перед глазами, играясь в чехарду целыми кварталами, будто нарочно обманывая ожидания (думал, за углом вид на парк откроется? ан нет, тупик! – и даже собор, главный местный ориентир, таинственным образом пропал из виду), будто Стас всё еще дремал за пианино, до такой степени ненастоящими чудились ему сонно проявлявшиеся, как сквозь толщу мутной воды, пешеходы, их желание укрыться от дождя, всмотреться в его лицо, остановить его, потрясти за плечо – оттого ему и в голову не приходило спросить у них дорогу. Со звуками тоже было не всё ладно, они доходили искаженно, с опозданием, и навалились сразу скопом: громко, точно в мегафон, залаяло нечто крысообразное на руках у девочки в розовом, от возмущения взвизгнул затормозивший доставщик пиццы на велосипеде, очередью немецкого рэпа расстреляло присутствующих из автомобиля на перекрестке – все эти детали побега, мелькавшие стремительно, как за окном метро, были ненужным, бутафорским антуражем, взывавшим к перемотке, дабы зритель поскорей мог перейти к более увлекательной сцене. А Стас, сам комический персонаж, спотыкался, извинялся, смешно распахнув объятия, падал, пугливо подскакивал, снова извинялся и дальше бежал, – и, взмокший,

расхристанный, пришел в себя, лишь когда уткнулся взглядом в знакомую витрину с безголовыми невестами, и, с облегчением осознав, что почти на месте, метнулся вправо, перемахнул через трамвайное ограждение, чтобы сократить путь, тем самым вышел на финишную прямую, – и скоро уже замаячила, уже весело подмигнула ему вывеска «À bout de souffle».

Спасение! – заметив, правда, на подходе полнотелую и непривычно подвижную фигуру Урсулы, а также припаркованную возле кафе полицейскую машину, юноша не то чтобы совсем не удивился – после всего произошедшего у него просто не хватило сил удивиться.

– Где ты был?! – вскричала работодательница, багровая от переполнявших эмоций.

– Где ты был, я тебя спрашиваю?! – кинулась она на молодого человека, гневно сверкая глазами и вцепившись в его одежду, словно опасаясь, что он скроется от нее и правосудия.

– Убью, уволю, если сию минуту не скажешь, где ты был?! – тряся его за плечи, истерически повторяла она. – Ты что, пьяный, да?! Укуренный?!

Смысл ее причитаний и в самом деле медленно доходил до Стаса, а именно – что сегодня Урсула освободилась с курсов живописи раньше, чем обычно, что решила проконтролировать работу своего подчиненного, что с ужасом при этом выяснила, что ее заведение ограблено, воры, сволочи, негодяи, вынесли деньги из кассы, пироги и, самое возмутительное, портрет Бельмондо! Кто, кто способен на такое?! Куда катится эта страна?!

Увы, Стас не мог ответить на эти вопросы, однако, заразившись ее паникой, освободился от цепких рук и кинулся мимо стражей порядка внутрь, где, признаться, особого разгрома заметно не было – столы никто не перевернул, вещи на пол не поскидывал. Словом, кафе выглядело как всегда, а судьба выручки и выпечки его не очень волновала – но, забежав за прилавок, завертевшись волчком, юноша жалобно завыл, потому что тетрадь его тоже пропала.

– Как же так?! – бормотал Стас, обыскивая помещение. – Я же закрыл дверь, на два оборота, вот ключ, на два оборота...

– На два оборота?! А заднюю дверь, ты, недоумок?! – ядовито прошипела Урсула, следуя за ним по пятам. – Там же проходной двор, там любой может зайти, она и была нараспашку...

Остолбенев посреди кафе, Стас схватил себя за волосы и застонал – так и было, про черный ход он забыл, что означало, что в ограблении виноват был только он сам! И, беспомощно озираясь, он зачем-то показал на стол, за которым еще пару часов назад сидела Мона:

– Смотрите, а всё же не всё украли. Вон там еще два евро лежат...

И если бы не усилия подоспевших полицейских, Урсула всё-таки выцарапала бы ему глаза.

За полдня Стас умудрился потерять, думалось, всё – подработку, единственную рукопись своего почти завершённого романа, уверенность в себе и завтрашнем дне – и ввиду того, что восстановить записи было ему не под силу, он, само собой, собирался никогда больше ничего не писать: жизнь насмарку, самое время прыгнуть под поезд – желательно еще до экзаменов.

Поскольку полицейские вряд ли бы прониклись нелепой историей про слепого и его жену, юноша соврал, что ему резко стало плохо и он якобы был вынужден сбегать к себе домой, и даже конкретное лекарство упомянул, и хотя, судя по всему, ему не очень поверили, все показания внимательно запротоколировали и попросили назвать лекарство по буквам.

Когда его наконец отпустили, дождь прекратился, тем не менее возвращаться домой Стас не спешил. Перевернутый мир в провалах луж притворялся более простым и понятным, и хотелось эмигрировать именно туда, а сердце ныло и требовало отмщения: случившееся юноша вменял в вину Моне, ведь если бы она не соблазнила его ложными, пускай и не озвученными посулами, если бы он не увязался за ней и не участвовал в этом балагане, то кафе бы не ограбили! А поэтому он хотел снова найти ее дом, ее квартиру, ворваться туда еще раз, совсем другим человеком, и наказать, как наказала его сегодня судьба, красиво швырнуть деньги девушке в лицо и нарушить тем самым дальнейшее погружение Мартина в приторную патоку лжи... Мысль об этом как-то нехорошо забавляла Стаса, в тот момент она виделась ему правильной – терять-то ему было больше нечего.

Впрочем, сколько молодой человек не старался найти дорогу обратно, сколько ни плутал по близлежащим районам кругами и зигзагами, сколько ни пугал местных описаниями экзотической парочки, сколько не взывал к своей ленивой памяти, ни вертел головой и ни шагал задом наперед в надежде опознать хоть какой-нибудь, до этого лишь бессознательно воспринятый мотив-угол-силуэт – найти дом с чугунной оградой и платанами ему не удавалось, словно всё сегодня случилось по волшебству, словно Мона провела его за руку в некую параллельную реальность, откуда он разве что чудом сбежал, и портал навсегда захлопнулся за его спиной. Стас устал, сдался и разменял купюру, заработанную неожиданным опытом, купив себе в качестве утешения банку пива и сочащийся жиром дёнер-кебаб. Он устроился на скамейке одного из бульваров и взялся угрюмо наблюдать за беззаботными девушками и беснующимися попугаями, и было неясно, кто из них щебетал громче – попугаи или всё же девушки.

Наступил вечер. Слева направо, бегущей строкой, раз-два-три, вспыхнули уличные фонари; зазвенели-заколотились колокола в церкви неподалеку, их звон заливал бульвар густым медом, замедлявшим дыхание простых смертных, он размывал очертания, удлинял тени и звучал так, как если бы кто-то нервный в ожидании ответа размешивал ложечкой чай; в такт ударам Стас качал ногой и на завершающем посмотрел на часы – начало восьмого. Тотчас вспомнилось заговорщицкое сообщение на смартфоне Моны, время и место, обозначенное всего несколькими буквами, и разгадка не заставила себя ждать: как услужливо подсказал интернет, за короткой аббревиатурой скрывался этнологический музей.

Вскоре Стас впопыхах добрался до современного строения, расположенного в самом центре, внешне скучной, каменно-стеклянной коробки, бережно хранящей трофеи

со всего мира. Суровая же сотрудница сквозь дверную щель разъяснила назойливому, пахнущему пивом иностранцу, что музей закрыт, все разошлись по домам и мероприятий сегодня больше не предвидится, дескать, приходите завтра. Молодой человек стал лепетать, что этого не может быть, что речь шла стопроцентно об этом учреждении и теперь он опасается, что опоздал на встречу, и лишь тогда женщина смерила его взглядом с ног до головы и, смилостивившись, посоветовала подъехать на пятнадцатом трамвае к бывшему зданию музея, уже давно как пустовавшему, – вероятно, девушка назначила ему свидание именно там.

Еще без четко сформулированного плана в голове, хоть и увлекшись игрой в сыщика, Стас последовал совету и в четверть девятого взойшел на ступеньки грозного старого здания с лепниной и законопаченными изнутри окнами, мимо которого часто гулял и внимания на которое никогда не обращал; на пути сюда он бегло прочитал заметку, что в следующем году дом передадут одной из школ, пока же помещения страдали всеми симптомами вяло текущего ремонта; но и эти двери были закрыты для него, а за ними, сколько Стас, прижавшись носом к стеклу, ни всматривался, царил пыльный и печальный сумрак. Юноша безуспешно подергал за ручку, походил немного взад-вперед и, сплунув, двинулся домой – а из темноты, осуждающе покачиваясь, на него из-за угла выплыл Бельмондо.

Вряд ли Стас мог бы в иной ситуации испытать подобные эмоции при виде французского актера – смесь испуга и радости: сперва ему померещилось, что портрет ожил и пришел по его душу, и лишь затем юноша разобрал пару ног в стоптанных сандалиях под картиной и пальцы, державшие раму по бокам. Долго не раздумывая, Стас ринулся ему навстречу и, схватив портрет, потянул к себе:

– Стоять!

За холстом он обнаружил пьяного, сбитого с толку оборванца с глазами, утонувшими в косматой бороде; тот невнятно что-то проворчал, слова его тоже утонули в бороде, но картину он так просто отдавать не собирался, в связи с чем отступил на шаг и сердито дернул ее на себя. Однако Стас тоже был настроен весьма решительно.

– Отдай, – твердо сказал он и не сообразил, что говорит при этом по-русски. – Это не твоя картина, ты ее украл! В кафе!

От бродяги разлило одновременно спиртом, кислым потом и луком; мутные глаза его сузились злыми щелочками.

– Я сейчас полицию позову... Слышишь?! По-ли-ци-ю!

Стас открыл было рот, чтобы звать на помощь, потому что в схватке этой ему одному было не победить. Но повторенная угроза, а также озадаченные взоры нескольких фланирующих мимо мамаш с колясками возымели надлежащее действие: сделав страшные глаза, бездомный оскалится, издал рык, не то закашлявшись, не то, как гиена, засмеявшись, и, отпустив портрет, исчез в ночи – лохматый призрак в развевающихся лохмотьях.

Раздувшись от гордости, Стас сам не верил собственной смелости – неужто ему и вправду удалось так легко отвоевать картину обратно?! Как-никак это означало, что он сможет вернуть ее Урсуле, а та наверняка воспылает благодарностью и вернет ему работу... И как только до него дошло, что бродяга, скорей всего, и к пропаже рукописи

имеет непосредственное отношение, как только Стас собрался пуститься в погоню, как его звонко окликнули:

– Эй!

Из-за музейной двери возник мальчик – лет десяти, сирийского, что ли, происхождения, чумазый и до такой степени косоглазый, что Стас засомневался, на кого тот так недовольно сверкал исподлобья глазами – на Стаса, на Бельмондо или, быть может, на кого-то у Стаса за спиной.

– Эй, здесь почему?! – вопрошал мальчик, коверкая слова и пренебрегая шахматными правилами немецкого языка. – Так долго почему, эй?! Не со всеми пошел почему, почему отстал?! Денег не будет, понимаешь, да?! Давай, тебя ждут!

И пускай было ясно, что это лишь недоразумение и что Стаса из-за портрета приняли за другого, за бородача, которого уже не догнать, – и всё же было что-то такое в интонации ребенка, во фразе «тебя ждут», в его нетерпеливом, приглашающем жесте, что заставило оторопевшего юношу вновь подняться по ступенькам и шагнуть внутрь, на каменные плиты гулкого вестибюля. Дверь за ним без промедления захлопнулась, и мальчик устремился по лестнице вверх, предполагая, что посетитель пойдет за ним следом.

Стас не успел как следует оценить внутреннее пространство бывшего музея, нарубленное полосами света уличных фонарей, и лестницу, обрамленную колоннами и после первого же пролета раздваивающуюся змеиным язычком направо и налево, – как случилось нечто по-настоящему странное: помещение вихрем наполнилось щелчками фотокамер, разговорами целой толпы невидимок, приветственными возгласами на разных языках, комплиментами, просьбами одарить улыбкой и повернуться в профиль. Молодой человек встрепенулся, ожидая, что сейчас его окружают коварные, скрывающиеся в тени незнакомцы, собрался отбиваться от них картиной, но напрасно: кроме него в вестибюле никого больше не было. И от многочисленных, столь настырных голосов, шепчущих в самое ухо, ухахатывающихся, кричащих отовсюду и лишенных при этом тел, стало ему не по себе.

– Так ты идешь?! – раздался откуда-то сверху голос мальчика; Стас вспомнил, что точно так же обратилась Мона сегодня к нему в кафе, и инстинктивно угадал, что его ждет, рассмотрел по углам черные квадраты динамиков, включившихся, должно быть, благодаря датчику движения или чему-нибудь в таком духе и из которых сейчас звучала запись с ковровой дорожки неведомого фестиваля: сюда-сюда, ах-ах, какое платье, обратите внимание на нас, еще секундочку!

Внутренне посмеиваясь, неся портрет перед собой, Стас миновал два марша, на мгновение потерял мальчика из виду и, наступив-таки на ускользавшую за угол тень, двинулся за ним сквозь анфиладу выставочных залов, по тщательно подметенной дорожке среди пыли, грязи и обрывков географических карт; голоса за спиной умолкли, хотя тишина им на смену не пришла – вопреки возрасту и вечернему часу, дом отнюдь не находился в спячке, он скрипел, он дышал, печально, с одышкой, что с улицы было не распознать. Стас старался теперь уж не отставать от малолетнего проводника, осматривался и всё представлял себе, как долго катали Мартина на машине, чтобы убедить его, что он уже в другом городе, да и, в принципе, что должен был ощущать незрячий человек в этом здании, а ведь должен был, поскольку организовать такое в

каком-нибудь подвале было бы невозможно, – слишком высоки были потолки, слишком звенящим было эхо от шагов, слишком многое произошло в этих стенах за сто лет: перед ними в стороны расступались грифельные, исписанные иероглифами доски, скучающие по экспонатам стенды и шкафы-экзгибиционисты, нагло выставившие свою пустоту напоказ, а также скамьи, на одной из которых храпел лоскутный курган. Проходя мимо, мальчик презрительно пихнул ворох тряпья вбок, тот дернулся и захрапел чуть тише, а из складок высунулась босая пятка.

Они шли дальше – и вскоре до Стаса донеслись отголоски бравурной музыки.

Сперва он решил, что снова слышит аудиозапись, но, проследовав за мальчиком в последний, гудевший от оваций зал, юноша оробел от вида многочисленного и весьма разношерстного сборища. Пока он разбирался, что к чему, то потерял мальчика из виду, а заботливые руки приняли у него портрет, причем так, что Стас даже не особо это отметил, потому что во все глаза смотрел на сцену, откуда в дребезжащем свете галогенной лампы как раз спускались румынские мариачи со своими нехитрыми инструментами, а к микрофону подскочил вертлявый паренек, нарочито позитивно взывающий по достоинству оценить выступление оркестра. Стас проследил за направлением подобострастного взора ведущего и таким образом смог со спины опознать – в третьем или четвертом ряду – фигуры Моны и Мартина, державшихся с достоинством и в своих нарядах (он в строгом костюме, она в облегающем синем, каком-то чешуйчатом платье) выглядевших посреди местной публики как, наверно, миссионеры в гостях у туземцев. То есть вокруг них еще восседало десятка полтора надушившихся пенсионерчиков в бежевом, напряженно аплодирующих вместе со всеми и искренне боящихся оглянуться назад, ибо в этом аду была своя иерархия: следующие ряды были заняты парочкой студентов панковского вида, более-менее опрятными иностранцами и прочими безработными, типичными получателями социального пособия, а вот дальше зал кишел оборванцами, опухшими и расплывшимся, перекошенными настолько, словно сошли с кривых зеркал, и целыми семьями встревоженных беженцев, сидящих уже не на стульях, а на тюках, и смуглых от лет, проведенных под открытым небом. Мало кто из них по-настоящему вникал в то, зачем их собрали в этом смурном месте, – одни сонно кутались в рванье, хлопая глазами, разочарованно пялились на сцену и отчаянно зевали, другие что-то жевали, и Стасу не нужно было принохиваться, чтобы догадаться, что они уничтожали улики преступления, произошедшего за кадром. Это были пироги. С ревенем, тыквой и шпинатом.

Остальное тонуло в полутьме.

Стас покачал головой: вот оно, королевство слепого с его верноподданными – безумными и бездомными, ворами и алкоголиками, вся нищета закоулков Кёльна! Озираясь, он спрашивал себя, откуда у Моны ресурсы на подобное, потому как украденных сегодня денег не могло хватить на то, чтобы оплатить участие такого количества народа в представлении. И, не сдержав ухмылки, юноша допустил полушутливую мысль, что, если она оформила весь этот цирк как мероприятие по обеспечению занятости, то вполне могла получить субсидии от государства. Тогда-то Стас и осознал, что не было большого секрета в том, почему Мона выбрала его на роль журналиста, для нее он был не более чем случайным статистом, как и прочие здесь, и

если бы он не пошел за ней, на его месте оказался бы кто-нибудь другой, с кем бы она познакомилась в ином кафе, на иной улице, – но мнимое интервью было по какой-то причине необходимо для ее сценария, вполне возможно, в качестве решающего аргумента в ее сложной системе лжи и иллюзий, чтобы заставить Мартина всё-таки прийти на церемонию.

– Поздравляю всех нас! Это был судьбоносный год для литературы...

Пока велеречивый до отвращения ведущий (показалось знакомым его лицо, должно быть, видел его во второстепенной роли в одном из дешевых немецких сериалов) говорил о подрастающем поколении поэтов со своим новым, сильным голосом, Стас пробирался сквозь зрительные ряды к Моне. Тем временем на сцену вышла жилистая бритоголовая девица, видимо, полагающая, что находится на экстравагантном поэтри-слэме, и стала хмуро читать стихи на английском про первый сон, первый снег, рассвет и пустую постель – не без библейских аллюзий. Люди, приближенные к виновникам торжества, досадливо косились на Стаса, шушукались, трогали друг друга за плечи, передавая свое беспокойство дальше, и юноше оставалось всего пару метров до цели, когда волна шепота обогнала его – и Мона, обернувшись, посмотрела на него с недоумением, отказываясь понимать, как он ее смог найти. В ответ Стас с кривой усмешкой пожал плечами, а сам восхитился ее очередным, на этот раз пепельного цвета париком и диковинным макияжем, прямиком из кинофантастики вроде «Бегущего по лезвию бритвы», что еще больше подчеркивал ее глаза, – вот только чего или кого ради? всего лишь для свиты?

Мартин, в своих непроницаемых очках, уловил ажиотаж вокруг себя и что-то спросил супругу на ухо, на что та, неотрывно глядя на Стаса, сухо ответила:

– Харуки пришел...

И, почесав серебристую щетину, Мартин процедил:

– Не улыбайся ему. Пусть видит, что я не забыл его поведения в прошлый визит.

Мона остановила Стаса одним взмахом руки и продолжением жеста указала зрителям на него, после чего два низкорослых индуса проворно подскочили и за руки оттащили молодого человека к стене, бормоча вполголоса:

– Здесь стоять, не мешать, вот так, так надо, здесь стоять...

Стас огрызнулся на них, однако остался стоять, где велено, примиряясь с окружающим бедламом, напоминавшим скорее вокзальное фойе во время стихийного бедствия, нежели церемонию награждения «главной литературной премии мира».

За поэтессой-дебютанткой, рассыпая комплименты и блестяшки, на сцене появился пожилой дрег-квин и взялся, разевая напомаженный рот, кривляться под запись арии Надира, включенной с проигрывателя ведущим. Мартин принимал спектакль за чистую монету и, судя по раздувавшимся ноздрям, был тронут талантливим исполнением, а бездомные оживились-заерзали при виде огромного фальшивого бюста трагедии-артиста и счастливо стали пихать друг друга локтями, точно малые дети на утреннике; один из них запустил руку себе в штаны и забыл о присутствующих, второй, вперившись перед собой, забормотал о масонах и политике США, но оба получили подзатыльники от товарищей, явно следовавших полученным от Моны инструкциям, и притихли.

– Не правда ли, чудесный вечер?! – распинался ведущий. – Похлопаем, дамы и господа! Звезды литературного Олимпа съехались со всего мира сюда в Дюссельдорф, чтобы общими усилиями...

Нащупав смартфон в кармане, Стас боролся с искушением позвонить в полицию: с одной стороны, произошло ограбление, а с другой – деньги и ненавистные пироги достались нуждающимся; с одной стороны, в зале, надо полагать, находились нелегальные мигранты, а с другой – Стасу конкретно эти несчастные люди ничего не сделали; с одной стороны, Мона являлась гнусной авантюристкой и обманывала мужа, вероятно, на протяжении лет, а с другой – Мартин не выглядел жертвой, да и преступлением ли было то, что здесь творилось? Со своей позиции Стас мог ясно видеть профили обоих супругов и слышать, как девушка иногда описывает иронично настроенному мужу свою версию церемонии, говоря воркующим, улыбающимся голосом, хотя лицо ее при этом совсем не улыбалось. Напротив, Мона зорко следила за каждым движением в зале, контролировала порядок и признательно кивала ведущему, который уже вручал самому себе премию за вклад в историю литературоведения, премию, которой у него в руках, разумеется, не было, и отыгрывал он поочередно две роли – вставшего в эйфорию ведущего и награждаемого профессора, имя которого Стас прослушал, но проявившего в благодарственной речи некоторую простуженность и сильный испанский акцент, – и хотелось верить, что французский акцент Уэльбека давался актеру лучше.

В определенный момент Мона остановила свой оценивающий взор на Стасе и прищурилась, будто бы читая его мысли и переживания. Юноша заинтригованно заметил, что девушка принялась что-то писать на клочке бумаги; впрочем, записка предназначалась не ему, она пошла по рукам вперед, пока не оказалась у ведущего – тот бегло ознакомился с ее содержанием, нашел Стаса в толпе взглядом и провозгласил:

– Дамы и господа, церемония приближается к своей кульминации, что означает, что наступило время финальной, самой важной премии, той самой, ради которой, положи руку на сердце, мы все сегодня и собрались – да простят меня предыдущие лауреаты и, в частности, господин Рушди, ха-ха-ха! Итак, я с гордостью объявляю номинацию «Главный автор десятилетия» и для награждения приглашаю на сцену нашего почетного гостя, культового писателя и драматурга из России... – тут ведущий еще раз сверился с запиской: – Владимира Сорокина!

Стас вздрогнул – прежде всего, когда машинально решил, что сейчас вживую увидит Сорокина, а затем еще раз, когда с тихим ужасом сообразил, что приглашают на сцену именно его – для содействия в мистификации. Вместе с тем Мона не подталкивала его ни к чему, она, как всегда, лишь с прохладным любопытством смотрела на него и ждала – он и сам отдавал себе отчет в том, что если останется стоять как вкопанный, притворится мертвым или попросту убежит, то ведущий, нетерпеливо хлопавший в ладоши и мотивировавший зрителей следовать его примеру, всего-то вынужден будет взять на себя и эту роль тоже. Поэтому Стас, оглушенный рукоплесканиями, сам обомлел, когда понял, что, просчитывая каждый свой шаг, уже тяжело ступает к сцене, уже взбирается на нее, уже пожимает руку ведущему, на кончике носа которого белели крошки, объяснявшие его возбужденность.

– Болтай что-нибудь по-русски, – жарко шепнул он, – а я переведу!

– Вообще-то Сорокин говорит и по-немецки, – посчитал Стас нужным сообщить. Вид у актера сделался ненадолго растерянный, после чего тот скорчил скорбную гримасу:

– Знаешь, мне как-то пофиг.

И кивнул в сторону постепенно умолкавшей публики:

– Я тебе даже больше скажу: им всем тоже пофиг. Так что играй отведенную роль и не выпендривайся.

Движением, не допускающим возражений, он придвинул к Стасу микрофонную стойку:

– Давай!

– Честно говоря, я не знаю, что говорить... – осторожно, как бы тестируя устройство, произнес юноша по-русски.

– Добрый вечер и спасибо за приглашение! – невозмутимо «перевел» ведущий.

Стас вздохнул.

– И вот мне уже стыдно, что я поднялся сюда, – сознался он. – Зачем?! Мне, собственно, к экзаменам готовиться надо, а я тут шляюсь и из-за истории этой идиотской работу потерял, а вы еще и кафе ограбили, и картину украли, а я теперь вроде как соучастник, ужас!..

– Как всем нам хорошо известно, есть книги развлекательные, есть нужные, важные, а есть книги, которые образуют фундаментальные человеческие общности, – читал ведущий с листа немецкий, заранее заготовленный текст. – И потому мне особенно волнительно, что сегодня среди нас находится монументалист, чей опубликованный недавно роман как раз относится к подобным шедеврам...

– Да ясно уже, к чему это идет, – поморщился Стас. – Надеюсь, здесь никто не говорит по-русски?

А ведущий вторил ему испорченным эхом:

– Его книги всегда являлись показателем великого духовного пробуждения и возрождения традиционных ценностей, они опережают время и переживут всех нас...

Некая, как во сне, вседозволенность вскружила Стасу голову, в связи с чем он спокойно выдал тираду, целиком состоявшую из русских нецензурных выражений, и, кажется, единственным, кто на нее отреагировал, были румынские музыканты, обрадовавшиеся знакомым словам.

– И всё же его новое, эпохальное произведение – это не только *magnum opus* одного человека, нет, это *magnum opus* всей Германии, это откровение, это повторная дефлорация мировой культуры!..

Услышав сомнительную метафору, Мартин перестал надменно ухмыляться и подался вперед, а Мона взяла его за руку, успокаивая.

– Это бред какой-то, – сказал Стас, с сожалением глядя на них, – надо было сразу полицию вызывать...

– Я, безусловно, говорю о романе «Повторная дефлорация», – подытожил ведущий и включил на проигрывателе триумфальный марш. – И для меня большая честь пригласить его автора на сцену!

Не веря своим ушам, Мартин поднялся со своего места.

– Дамы и господа, за выдающиеся заслуги, за неоценимый вклад в историю литературы и несомненное влияние на своих современников – в номинации «Главный автор десятилетия» награждается Мартин Гемба, поприветствуем, пожалуйста!

Зал взорвался бурными овациями, встали даже задние ряды, почуяв, что так надо, что происходит что-то важное. И пока Мона сопровождала взволнованного мужа к сцене, окружавшие их старички и старушки с благоговением прикасались к его одежде и наперебой поздравляли проникновенными голосами:

– Вы гений, вы заслужили! Спасибо вам, спасибо! За ваш труд спасибо! Вы нужны нам, мы верим в вас...

Ведущий сунул Стасу в руку премию, крашеную в золотой цвет фигурку, на постаменте которой были выгравированы год, название номинации и имя лауреата, – и это было однозначно не самое удачное воплощение Пегаса, смахивавшего скорее на окрыленного ослика. Между тем Мона осталась внизу, передав Мартина своему сообщнику, который перенацелил того к микрофону. Юноша поначалу забеспокоился, что в сорокинском рукопожатии писатель узнает сегодняшнего журналиста, однако увидел, как неровно шагает Мартин ему навстречу, как судорожно откашливается и как трясутся его руки, – и понял, что сейчас тот попросту не в состоянии обратить внимание на такие мелочи, а потому буркнул «Glückwunsch!» и, вручив награду, даже ободрительно похлопал того по спине, прежде чем отступил назад.

Когда восторженные, сверх всякой меры, аплодисменты наконец стихли, Мартин стал растроганно выражать свою благодарность присутствующим и жюри конкурса, а Стас в смятении смотрел на Мону, стоявшую перед самой сценой и с особым блеском в глазах взиравшей на своего мужа снизу вверх, и вновь спрашивал себя, чем руководствовалась эта собака-поводырь по миру иллюзий.

– Я всегда знал, предчувствовал, что рано или поздно меня поймут и признают, что тексты мои оценят по достоинству, и для меня эта премия очень... – голос Мартина пресекался, и он поспешно вытер скатившуюся из-под темных очков слезу.

Чья-то рука потянула Стаса обратно в тень, поскольку в культовом писателе из России более не нуждались; вместе с тем он разглядел, что с другого края уже несли на сцену следующий дар – картину из кафе (ах, неужели портрет самого Гембы? чьей же кисти? ах, неужели Ай Вэйвэй?), – и, повинувшись внезапному импульсу, бросился вперед и по-немецки вскричал:

– Стойте, подождите! Не верьте никому! Это всё...

Больше ничего Стас сказать не успел.

Рот зажали сразу несколько грязных, липких ладоней, сопротивляющемуся юноше больно вывернули локти, его опрокинули назад, потащили со сцены и на всякий случай дали ему еще под дых. Последним, что донеслось до его слуха, был деланный смех ведущего, утверждавшего, что зависть – это страшная сила и что у коллеги, мол, нервы не выдержали, а затем мимо проплыло искривленное злобой лицо пенсионерки, собравшейся плюнуть в Стаса, но не набравшей достаточно слюны.

Уже в коридоре необычную процессию остановили возгласом:

– Пошли вон! Оставьте его в покое!..

Тогда юношу, как мешок, бросили в угол, где, охваченного стыдом и отвращением, его пронзило спазмом и стошнило – прямо на пол. И пока вытирал рот,

Стас слышал удаляющееся, недовольное шарканье обидчиков и приближающийся цокот каблучков.

– Прости, они всего-навсего испугались, что ты у них хлеб отнимешь...

Выпрямившись, он произнес только одно слово:

– Вманака.

– Вамана, – поправила Мона. – Зря я тебя на сцену вызвала. Хотя вроде сам захотел поучаствовать, никто не принуждал. Иначе бы сразу ушел, разве не так? Ты сюда вообще зачем явился? Ради этого?

Она протянула ему тетрадь:

– Думала на днях занести тебе в кафе – видишь ли, мои дурачки посчитали, что эта находка заинтересует меня. Но, увы, я всё еще не понимаю ни слова по-русски...

В волнении Стас выхватил рукопись из ее руки и стал быстро перелистывать, словно проверяя, ничего ли не пропало из написанного.

– А жаль, занятно, наверно, было бы почитать, – хмыкнула девушка. – Знаешь, в голове ничего не сохранилось из того, что ты мне сегодня рассказывал...

И почему-то именно сейчас, после ее беспечных слов, безнаказанность Моны поразила юношу в самое сердце, и в нем начал подниматься гнев, толчками заполнявший его чахлую грудь:

– Что, что это такое?! – заговорил он, возмущенно размахивая тетрадью перед ее носом. – Почему вы это делаете с ним?! Со мной? Вот с ними со всеми... Это неправильно, так нельзя!

Мона устало усмехнулась:

– Вот опять ты ко мне на «вы»...

Проигнорировав ее упрек, Стас пылко продолжал и не старался звучать спокойней:

– Так объясните же мне, зачем это всё?! Ведь вы взрослая, красивая женщина, к тому же явно не самая бедная – так к чему эти приключения? Вся эта ложь, розыгрыши? Какой в этом смысл, а?! Зачем морочите мужу голову?! Ведь можно же издать книги за свой счет, тупо выложить, в конце концов, в интернет – почему вы не хотите, чтобы другие знали его тексты? Разве они настолько ужасны? Или настолько хороши? Или нет... вы издаете их под своим именем, да?! Я прав? Дело в славе? В деньгах? В наследстве?

Слегка отстранившись, девушка задумчиво оглядела молодого человека, точно впервые, с ног до головы:

– Я-то думала, это исключительно привилегия немцев – пытаться докопаться до какого-нибудь смысла. Русские же обычно предпочитают оправдать всё непостижимостью человеческой природы, не правда ли?

– Зачем?! – упрямо повторил Стас свой вопрос, дрожа уже всем телом и повысив голос.

– Боже, какой ты всё-таки еще ребенок! – с грустью улыбнулась Мона и встрепала ему волосы. – Совершенно без понятия, что такое любовь... извини, что...

Стас дернул головой, отвернулся и зашагал прочь.

На пути на улицу он раздраженно думал о том, что любви такой не бывает, что Мона его тоже обманула, как обманывала мужа; его даже посетила мысль, что за годы

жизни с Мартином она вполне могла лишиться рассудка и только усилием воли держалась за весь тот театр абсурда, который возводила ради него, или, кто знает, быть может, заигралась в куклы, превратив слепого супруга в свою Барби, наряжая его и устраивая ему судьбу, возомнив себя богом. Так Стас пытался оправдать пережитое в этот день – и вскоре, в полном упадке душевных сил, обнаружил себя стоящим на набережной, где дебелая сумасшедшая самозабвенно играла на укулеле; высунувшийся из окна местный житель стал было кидаться в нее яростными тирадами, но быстро сдался; на другом берегу жгли костры.

Изнемогая, юноша прислонился к бордюру, уставился на мутно-зеленые воды Рейна и чувствовал, что слишком далек от разгадки. Но при всём при этом его изнутри что-то распирало, что-то, что до поры таилось и пока едва брезжило, неясное, тревожное гудение в груди, от которого хотелось смеяться и плакать, и всё – ночь, бречание струн и отражавшиеся в волнах костры – ощущалось так остро, словно он видел мир впервые! Стас еще раз взглянул на рукопись в своей руке, ничтожные, пошлые выдумки, никакого отношения к нашей, такой сложной и изумительной реальности не имевшие, и без сожаления выкинул тетрадь в реку.

Волны жадно поглотили его неоконченный труд – и сумасшедшая, перестав играть, вразвалочку перебежала к нему и принялась невнятной скороговоркой укорять, что здесь в воду ничего выбрасывать нельзя, это загрязнение окружающей среды, за это штраф полагается – она повторяла это раз за разом, пока Стас к ней не обернулся. И тогда она, увидев его лицо, замолчала и отшатнулась, а он понял, что больше не сердится, лишь странно, нехорошо улыбается, будто замыслил недоброе. Только в его случае это означало вдохновение.

4.

Той ночью ему снились яркие, болезненные сны, а на утро у юноши поднялась температура, что, впрочем, не удержало его от того, чтобы начать писать – в этот раз за компьютером.

Экзамены пришлось пересдавать, дом Моны он так и не нашел, но порой наткался на улицах города на бездомных, встреченных на том фальшивом празднестве; правда, они не узнавали его и на все расспросы, ошарашенно мыча, звенели мелочью в стаканчике для подаяний. Что ж, Стаса по-прежнему не удовлетворяло ни одно из имеющихся объяснений, в какой-то момент даже усомнился, действительно ли он пережил подобный инцидент, однако полгода спустя перестал мучиться этой тайной, завершив свой первый немецкий роман на светлой и грустной ноте, на полуслове, отказавшись, как и советовал Мартин, от неожиданных поворотов сюжета в финале.

И спустя еще год Стас восседал в центральном книжном магазине за столом, прячась за башней из книг, на обложке которых красовалось его имя; оно было выведено и рядом на плакате, извещавшем об автограф-сессии с автором бестселлера «Селена и слепой король». Лукавая шатенка на рекламе, обнимавшая атлета в солнцезащитных очках, даже отдаленно не напоминала Мону, а подзаголовок, придуманный литературным агентом, сообщал, что любовь и манипуляция часто идут рука об руку.

Вежливой, отрепетированной улыбкой юноша приветствовал каждого читателя, спрашивал имя, аккуратно подписывал книгу и туманно отвечал на вопросы о продолжении истории Селены и возможной скорой экранизации, которую втайне уже заранее ненавидел. Если начистоту, Стас и сам не мог разобраться, почему его дебютный роман о «слепом писателе, ставшем заложником слепой любви», оказался столь популярным среди молоденьких, легко смущавшихся от его плоских шуток девушек, а также замужних дам лет за пятьдесят, – и всякая читательница искренне расписывала ему, что ничего пронзительнее в своей жизни не читала и только благодаря его сочинению узнала, что такое настоящая любовь. А он кивал и сдерживал себя изо всех сил, чтобы не закричать: что?! что?! пусть расскажут ему, он же сам не в курсе!

А когда перед столом появилась его бывшая, Стас с тоской осознал, что добился, пожалуй, всего, о чем мечтал. Она робко извинилась за то, что пропала и не отвечала тогда на его звонки, но вот его книга, она изменила ее отношение к нему, девушка и не подозревала, насколько он чувствителен, – ведь это же очевидно, что образ Селены списан именно с нее. Стас делал вид, что слушает ее околесицу, и почему-то вспомнил свое детское ощущение, что взрослые знают какие-то тайные истины, которые помогают им жить-выживать в этом безумном-безумном мире и смеяться над непонятными анекдотами, а теперь, достигнув определенного возраста, утомленно понимал, что никто и не собирается вручить ему свиток, где были бы перечислены все эти истины и правила, да и самое страшное, что их, судя по всему, вообще не было и нет, хотя все по какой-то причине живут дальше и притворяются, что они есть.

Пока девушка сбивчиво излагала, как поняла то, что он там написал, Стас прикрыл веки: в последнее время он неоднократно проводил этот эксперимент над собой, потому что был отравлен Моной, он, как и прежде, слышал отголоски ее инсценировки. «Вознаграждение гарантировано», – сказала она при первой встрече. И как теперь мог Стас быть до конца уверенным в том, что произошедшее с ним не было частью плана и обещанным вознаграждением, что он не сидел на сцене, не слушал отрепетированные речи нанятых актеров? По существу, если закрыть глаза, то разницы между его впечатлениями и впечатлениями Мартина не было, слава и успех воспринимались, должно быть, одинаково – но если ложь кого-то делает счастливым, то почему бы и нет? Ибо как гласил один из вариантов рекламного слогана: счастье – в неведении!

Ухмыльнувшись, Стас вновь открыл глаза – и побледнел: в веренице лиц в очереди вдруг всплыло мужское, сверкнувшее седой щетиной и показавшееся знакомым. Юноша отклонился на стуле назад и разинул рот, а мужчина, сняв темные очки, ясным взором посмотрел на него в упор, хитро подмигнул и, прежде чем скрыться в толпе, помахал в воздухе экземпляром романа. Автор бестселлера подскочил и с каким-то клокотанием в горле стал расталкивать своих перепуганных фанаток, кинулся к выходу, наружу, вдогонку, и задел при этом башню из книг, которую пришлось восстанавливать равнодушным стажерам.

Через некоторое время, тяжело дыша, молодой человек вернулся обратно в магазин, сел за стол – и, когда одна из читательниц отпихнула его бывшую в сторону и кокетливо спросила о ближайших творческих планах, он поднял к ней свое мокрое лицо и честно признался, что сегодня непременно напьется.